

А. А. Иванова

(Москва)

ПРЕДАНИЯ О ЧУДИ ВЕРХОВИЙ ПИНЕГИ КАК ЛОКАЛЬНЫЙ СВЕРХТЕКСТ

Аннотация: В статье анализируется репертуар преданий о чуди, представленный в фольклорной традиции Пинежского р-на Архангельской обл. Особое внимание уделяется формированию на его основе *локального сверхтекста*, выполняющего в культурном ландшафте разнообразные функции — информационную, мнемотехническую, идентификационную. Описана структура локального сверхтекста (состав мотивов, межтекстовые связи), его паравербальные референты (ментальные карты, материальные культурные артефакты и др.).

Ключевые слова: Русский Север, живая фольклорная традиция, локальный сверхтекст, ментальная карта.

Abstract: The article analyzes the repertoire of legends about the chudi, represented in the folklore tradition of the Pinezhsky district of the Arkhangelsk region. Particular attention is paid to the formation on its basis of local supertext, performing a variety of functions in the cultural landscape — information, mnemotechnical, identification. The structure of local supertext (composition of motifs, intertextual links), its paraverbal referents (mental maps, material cultural artifacts, etc.) is described.

Keywords: Russian North, living folklore tradition, local supertext, mental map.

Исторические предания о чуди — на протяжении длительного времени постоянно востребованный в гуманитарном научном дискурсе объект изучения. На настоящий момент выявлен их

сюжетный и мотивный репертуар¹, ареалы его бытования², описаны история этнонима³ и его референтные основания⁴. Боль-

¹ *Криничная Н. А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991; *Смирнов Ю. И.* Самопогребение чуди // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этитет этноса: Материалы российско-финского симпозиума (Архангельск, 3–4 июня 2001 г.) / Отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск, 2002; С. 58–63; Чудь в устной традиции Архангельского Севера / Под ред. Н. В. Дранниковой. Архангельск, 2008; *Березович Е. Л.* Чудь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 560–562; *Моряхина К. В.* К вопросу о классификации легенд о Пермской чуди // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2014. Вып. 9. С. 81–86.

² *Рочев Ю. Г.* Национальная специфика коми преданий о чуди. Сыктывкар, 1985 (Научные доклады Коми филиала АН СССР; Вып. 124); *Смирнов Ю. И.* Предания Европейского Севера о чуди // Литература Сибири. Памяти Александра Бадмаевича Соктоева. Новосибирск, 2001. С. 55–67; *Данилко Е. С.* Историческая память в устных преданиях зюздинских и язвинских коми-пермяков // Этнографическое обозрение Online. 2007, март. URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2007/ЕОО2007_2b.pdf (дата обращения: 30.03.2018); *Лимеров П. Ф.* Образ чуди в коми фольклоре // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2008. № 1/2. С. 81–90; *Королева С. Ю.* Чудь с русскими именами: кого и как поминают на чудских могильниках? // Социо- и психологические исследования. 2014. № 2. С. 156–170; *Королева С., Четина Е.* Юкся, Букся, Бора, Мока и другие «чудские родители» (о почитании первых насельников Верхнего Прикамья) // Арт. 2016. № 3. С. 131–150.

³ *Азеева Р. А.* Об этнониме чудь (чухна, чухарь) // Этнонимы. М., 1970. С. 194–203; *Полякова Е. Н.* Проблема пермской чуди в лингвистическом аспекте // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 124–131; *Муллонен И. И.* Территория расселения и этнонимы вепсов в XX–XX вв. // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 347–348.

⁴ *Ефименко П. С.* Заволоцкая чудь. Архангельск, 1869; *Лашук Л. П.* Чудь историческая, чудь легендарная // Вопросы истории. 1969. № 10. С. 208–218; *Савельева Э. А.* Пермь Вычегодская: К вопросу о происхождении народа коми. М., 1971; *Кривошюкова-Гантман А. С.* К проблеме пермской чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 132–139; *Савельева Э. А., Королёв К. С.* По следам легендарной чуди. Сыктывкар, 1990; *Рябинин Е. А.* К этнической истории Русского Севера (чудь заволочская и славяне) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 13–42; *Семенова В. А., Дунае-*

шинство исследований носит диахронный характер. Между тем синхронное комплексное полевое изучение территорий, на которых еще можно записать быстро трансформирующуюся, а то и просто «уходящую натуру» — историческую прозу о чудском аборигенном населении края — позволяет более корректно проводить и ретроспективные штудии. (Илл. 15–17) Настоящая статья написана на основе материалов, собранных автором в Пинежском р-не Архангельской обл. с 1992 по 2017 г. Поскольку формат статьи не позволяет дать всестороннюю научную оценку сформировавшейся коллекции текстов, я сосредоточусь на попытке объяснить одну приметную ее особенность — неравномерность и неравноценность представленности в культурном ландшафте⁵ Пинежья. Это, в частности, выражается в следующем:

- 1) несмотря на то что разнообразны свидетельства о пребывании на Пинеге дославянского населения, именуемого этнонимом *чудь*, — материальные (рукотворные рвы, ямы, заброшенные колодцы) и топонимические (р. Чуга (приток р. Пинеги), д. Чуга, д. Чушела, р. Чухча (приток р. Пинеги), Чухарево (околок Почезерья), Чугина дорога (у д. Кочмогора), Чуга (околок д. Шотогорки), д. Чухченемь, др.) — представлены по всему руслу реки, в нижнем и среднем Пинежье на момент их комплексного полевого обследования предания о чуде фиксировались редко⁶; средоточием их активного бытования и популярности является верховье р. Пинеги (от д. Верколы до д. Кучкас);
- 2) именно на этой территории был записан разнообразный репер-

ва Е. Л. Легендарная чудь: фантом или реальность // Человек, культура, образование. 2012. № 3. С. 158–166.

⁵ Под культурным ландшафтом (КЛ) понимается природно-культурный комплекс, системообразующая модель которого включает природную среду обитания, сообщество людей, их хозяйственную деятельность и селитебную вписанность в природный ландшафт, языковой диалект и культуру (два последних компонента являются также «языками» описания КЛ и его трансляции в пространстве и времени). Более подробно об этом см.: *Калуцков В. Н.* Ландшафт в культурной географии. М., 2008.

⁶ На этот факт указывали и некоторые информанты: «А еще есть название, что когда-то там жил князек чудской. Именно чудской. И его звали Рева. Поэтому эту мургу называют Рева Мурга. Вот такая легенда. И она связана именно с чудью. С чудью у нас в пос. Пинеге только эта легенда связана» (Т. Н. Кузнецова, без указания г. р., пос. Пинега — ЛАИ 1999, т. 1, № 107).

туар преданий (об основании чудских деревень, о перебрасывании топора с горы на гору чудскими богатырями, о сражении чуди с новгородцами, о ее самопогребении, зарытых заклятых кладах и др.);

- 3) в нижнем и среднем Пинежье предания о чуди в устной передаче представлены преимущественно в паремийной форме слухов-толков⁷, в верховьях значительный корпус текстов имеет пространную и/или нарративную форму⁸.

Один из наиболее частотно используемых информантами способов формирования пространных чудских нарративов состоит в объединении автономных в смысловом и формальном отношении одномотивных сюжетов в свертхтекст. Под последним вслед за Н. Е. Меднис я буду понимать «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью»⁹. В соответствии с характером внетекстового референта исследователи различают локальные, именные, событийные и другие типы свертхтекстовых единств¹⁰.

Сравним четыре варианта локального свертхтекста, обратив вни-

⁷ «Дак там колодец был камнями обложен. И как будто чудь жила» (Х. С., 1915 г. р., д. Кусогоры — ЛАИ 1996, т. 2, № 35).

⁸ «А вот у меня лично... И вот мой дед Трофим рассказывал, что чудь жила на Авой горе. Я даже может быть и не поверил, да дедушка Трофим поехал на Аву гору за дровами и говорит: “Вот видишь — здесь сруб есть. Вишь — колодец. Здесь были дома. И здесь жила чудь”. И действительно были срубы. Вот там была деревня! На такой высоте! И с этой с Авы горы с нашей Верколы было как на ладошке. И потом, значит, на этой на Авы горы на такой высоте имеется вода: идет циркуляция по земле зигзагами» (Д. М. Клопов, 1931 г. р., д. Веркола — ЛАИ 1998, т. 3, № 96); «Авагор и Шавагор жили. Авагор жил на Авой горе, а Шавагор на Шавой. Вода-то тогда больша была. Не такая. Леса-те были не вырублены: вот Хярга-то текла большая. А тогда была многоводна. А ведь раньше-то люди были богатыри! Не такие, как сейчас. Сейчас люди пошли — морошка! Вот с одного конца крикне: “А ну-ка, братик, кинь-ка мне топорик!” С Авой-то горы на Митькину гору бросали топорик. Раз-два и всё. Пудов там десять. Такие вот были. И в Суре тоже. Тоже там богатыри были люди-ти» (Д. М. Клопов, 1931 г. р., д. Веркола — ЛАИ 1998, т. 3, № 101).

⁹ Меднис Н. Е. Свертхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. С. 21.

¹⁰ Лошаков А. Г. Свертхтекст: семантика, прагматика, типология: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Киров, 2008.

мание не только на состав парадигмы, но и на межтекстовые связи составляющих ее сегментов.

а) Локальный свертхтекст «д. Веркола — д. Летопада — д. Лавела — д. Поганец»

«Я это, знаете, так слышала. Может, это версия просто. Дед Сергей рассказывал, что вместо пристани (дядя, ведь пристани не было?) и место, которое обозначало пристань, был какой-то кол. Вот пароходы должны были приставать вверх по течению от этого кола. Вот, вроде бы, Веркола так и родилось. Вот Ежемень не знаю. А Летопада мне тоже кто-то говаривал, что, не знаю, какое-то сражение там было с чудью или с кем-то. Предводитель какой-то — то ли Лето или Лета — там был. И, вроде, как он в этой схватке погиб. Вот Лавела. Дак тоже я слышала. Женское, значит, было какое-то соединение. Предводительница Ла. И эта Ла вела своих подчиненных или как их называли? Поганец — это тоже было сражение с чудью. Там по реке кровавые такие пятна. И вот поганая река. От крови поганая — Поганец» (В. В. Каракина, 1946 г. р., д. Веркола — ЛАИ 1998, т. 1, № 18–21).

Основанием стяжения четырех одномотивных сюжетов в один рассказ послужило реальное территориальное соседство упоминаемых деревень. О текстообразующих возможностях ментальных карт, на которые ориентируются информанты при создании/воссоздании фольклорных текстов, мне уже не раз доводилось писать в связи с географическими песнями¹¹ (замечу, что последние очень популярны в Пинежском р-не Архангельской обл.). Спроецированность преданий на местность и конкретные селения с последующим соотношением их пространственной конфигурации в культурном ландшафте придает межтекстовым связям необходимый уровень «жесткости», а всему свертхтекстовому единству, построенному по принципу паратаксиса (соположения), — относительную устойчивость. При этом в процитированном свертхтексте каждый сюжетный сегмент сохраняет свою смысловую автономность и без заметных потерь для целого может быть опущен (что и

¹¹ *Иванова А. А., Калуцков В. Н.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006; *Иванова А. А.* Фольклорная географическая песня как «локальный» текст // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего: По материалам международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения» (Москва, 25–27 сентября 2012 г.). М., 2012; *Иванова А. А.* Лебяжская «географическая» песня: к проблеме локальной идентичности фольклорного репертуара // Вятский родник. Сборник материалов. Киров, 2016. С. 30–37.

наблюдается по вариантам).

Несколько иная ситуация складывается в том случае, если информант «работает» в масштабе сверхтекстового единства, а не текстов, его составляющих. В этом случае он стремится не только к композиционной, но и событийной целостности текстовой парадигмы. Сделать это возможно, используя имеющуюся в традиционной культуре сюжетную модель пути¹² (см. сказки, былины). Она предполагает введение в сюжет сквозного «персонажа», совершающего перемещение в пространстве. В качестве такового для чудских нарративов обычно избирается войско новгородцев. Подобное предпочтение было связано с реальным маршрутом новгородцев с низовий Пинеги в сторону верховьев реки, о чем свидетельствуют не только письменные источники, но и устные предания¹³. Фронтирное¹⁴ продвижение новгородцев сопровождалось постепенным отступлением чуди. Каждая встреча и/или битва между ними, происходившая на остановках движения, заканчивалась основанием деревни. Таким образом, ментальная карта, положенная в основу формирования локального сверхтекста, дополня-

¹² Протт В. Я. Морфология сказки. Л., 1969; Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–265.

¹³ «Жила чудь. Новгородцы решили освобождать земли. В Верколе у чуди был колокол повешен, и раз идет рать, по Пинеге сообщают, что дошли до Верхние колоколы. Идут дальше до Явзоры. Когда подошли, полководец говорит: “Я взираю, что чудь отступает”. Явзора... Полководец была женщина Ла Ча (Ча — фамилия). Так как Ла вела войско, то деревня Лавела. Дальше шли от Лавелы до Суры. Там был бой, и чудь не захотела отступать, и речка текла кровью. Чудь считалась поганым отродьем. В середине Городецка течет ручей Кудряш, раньше — Срака (наверно, там чудь оправлялась). А Городецк раньше Поганец назывался. До Сульцы дошли и солдатам, которые освобождали, что-то посулили. Сюда пришли, до Нюхчи. Ла Че говорят: “Здесь никого нет”. А она: “Нюхом чую”. Так как фамилия ее Ча, то Нюхча. Дальше всех разбили, осталась кучка — Кучкас» (С. С. Когин, 1921 г. р., д. Нюхча — АКФ 1995, т. 15, № 161).

¹⁴ Фронтёр (англ. *frontier* — граница, рубеж между освоенными и не освоенными поселенцами землями). Американский историк Ф. Тернер, введший в науку это понятие, называл его «точкой встречи дикости и цивилизации» (*America's Frontier Story. A Documentary History of Westward Expansion*. Huntigton, 1980. P. 18). Основной «родовой» признак фронта — неопределенность, неустойчивость, неустойчивость: фронт — зона неустойчивого равновесия (Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 75–89).

лась событийными межтекстовыми связками и перекличками, что делало его более устойчивым в процессе варьирования при неоднократном воспроизведении (см. ниже).

б) Локальный сверхтекст «д. Веркола → д. Летопада → д. Лавела → д. Поганец»

«Вот, к примеру, легенда с Верколой, которую чаще можно услышать. Что проплывали новгородцы когда, и верхняя часть (мы считаем так) вбили кол. И вот именно от этого кола... Ну, может быть, границей между новгородцами и чудью, которая здесь была. Верь колу! <...> А вот про Летопаду я слышала такую легенду, что когда новгородцы шли, и вот как раз подошли к этому месту, где теперь Летопада, лето пало. И вот поэтому такое название. <...> Про Лавелу. Это что у чуды белоглазой была девушка по имени Ла. И которой не хотелось сдаваться. Сражение тоже было именно в этом месте. И удалось отстоять ей память. Она как отряд свой вела — Ла вела. Вот. <...> А еще у нас есть такая Ава гора. И тоже легенду слышала, что когда новгородцы шли, и предводителем была Ава. И они не захотели сдаваться новгородцам, не захотели быть побежденными. Они вырыли огромную яму. И там сами себя сожгли. Это я слышала от местных жителей. <...> Ну, про Поганец я слышала от тех, кто там как раз жили. Всё связано с новгородцами, с их приходом. Вот когда уже продвигались, и именно там было большое сражение. И вот эта река несколько дней была окровавленной, почему и прозвали Поганцем. Вот поганая вода текла» (А. Ф. Абрамова, 1961 г. р., д. Веркола — ЛАИ 1998, т. 1, № 131, 134, 136, 137, 139).

в) Локальный сверхтекст «д. Веркола → д. Явзора → д. Лавела → д. Поганец»

[Е. М.:] «Здесь, когда князь пришел новгородский (он же шел по Пинеге вверх, вверх забирался). Тут, кстати, все эти деревни — названия его. Вот, допустим, Веркола. Эта Веркола стоит на большом взгорье. В общем, как он кол поставил, дак даже поверх кола. Так Веркола и пошла. Потом Явзора. Он на взгорье зашел. Она там есть Малая Явзора и Большая. В общем они тут на лошадях были: “Отойдите! Я взираю! Князь взирает!” Потом Лавела есть. Лавела же на этой стороне. Это они, значит, заплутали немножко там, в лесу, и вот эта чудская девушка... Попросили ее: “Выведи нас к реке”. Вот она их вывела их как раз в то место, где сейчас Лавела. В общем ее, наверно, звали Ла или начальная Ла- слог. В общем: Ла вела.

[А. Е.:] А у нас была битва: князь со своим войском с чудью здесь дрались. Где-то вот тут, в верховьях.

[Е. М.:] В Городке там вот.

[А. Е.:] Да. Тут недалеко. И в общем у них тут битва была нормальная. А речушка мелкая, поэтому они дрались прямо в реке. Князь потом к реке подошел — так воды нет. Он смотрит: там трупы несет, кровь и всё в общем. Он говорит: “Поганая река”. Вот и пошла Поганца. От князя пошло. А раз Поганца река, значит, деревня на ней (вот Городок) тоже Поганец назван. Его буквально недавно, после революции, переименовали» (Е. М. Постникова, 1966 г. р., А. Е. Постников, 1961 г. р., д. Городецк — АКФ 1995, т. 1, № 148–152).

Логическим завершением подобных локальных свертхтекстов становится обрыв событийного ряда у крайней деревни, где остатки уцелевшей от боев с новгородцами чуди приняли добровольную смерть, заживо погребя себя в земле, или были ассимилированы новгородцами¹⁵. Для Пинежья таковым является Кучкас, располагающийся на границе двух районов — Пинежского и Верхнетоемского: «Тут дальше Нюхчи ничего нет, токо Кучкас один. Наша-то Нюхча — край, а уж Кучкас-то вообще! И говорить нечего! Глухомань, как говорится. Там раньше Карпогорский район заканчивался. От того Кучкаса дальше только лес и болота. До Тоймы-то, говорят, туды семьдесят пять километров будет. Там и никто не хаживал. А в сторону там зыряне живут <...> Дак Кучкас почему такой самый дальний? А вот там чудь был. Его туда загнали. Так? Он там кучей собрался и ушел. Говорят, в землю ушел» (В. С. Когин, 1938 г. р., д. Нюхча — АКФ 1995, т. 11, № 17).

Наряду со свертхтекстами, маршрут которых проходит с низовий р. Пинеги в верховья (их абсолютное большинство в нашей коллекции), встречаются и такие, в которых вектор следования селений является обратным (в сторону низовий). В этом случае путешествующими становятся не новгородцы, а чудь, и тогда свертхтекст посвящается истории освоения края аборигенным дославянским племенем, ср.:

г) Локальный свертхтекст «Явзора → Лавела → Веркола»

«Дядя Петя, бабушкин сын, рассказывал, почему Явзору называли Явзорой да Лавелу. Давно еще, давно, когда деревень-то не было, какое-то племя... Ну, не племя... Люди ходили, короче. Там у них была предводительница. Ее звали Ла. Вот типа — Ла вела.

¹⁵ «А вот бабушка, когда у нас была жива, моя тетя, ее дочка Полина Александровна жила в Нюхче, она вот всё их называла: “О! Чудь белоглазая!” Это как бы конец нашего района. Продвигались всё в верхний край по течению. <...> Потом всё равно женились, замуж выходили. Всё равно какие-то отголоски: може, более светлые глаза встречаются. Есть голубые, а есть и более светлые» (А. Ф. Абрамова, 1961 г. р., д. Веркола — ЛАИ 1998, т. 1, № 140).

Остановились и там назвали. <...> Вот. И потом шла она дальше. И вот стала на этот угор, здесь, и говорит: “Ой, какой закат. Я взираю”. <...> Потом шли они дальше — и Веркола. Она говорит: “Здесь будет деревня. И верь колу”. Кол и поставила» (Е. Дунаева, 1978 г. р., д. Явзора — АКФ 1995, т. 2, № 127–129).

Но и в том, и в другом случае в рамках сверхтекстового единства каждый мотив, обрастая новыми мотивировками и деталями повествования, добирает «текстовые сущности»¹⁶.

Нельзя не отметить еще одну особенность формирования локального сверхтекста. Как правило, топонимические предания предлагают не одну, а несколько версий народной этимологии топонима, ср.:

«Вот как гласит легенда, проплывали новгородцы в верховья по Пинеге и здесь вот дошли до какого-то места, вбили кол. И что именно поэтому Веркола названа: “Верь колу”» (А. Ф. Абрамова, 1961 г. р., д. Веркола — ЛАИ 2000, т. 3, № 250);

«Подошли и у ворот или в воротах в кольцо палочка вдет или приставка: значит, хозяев дома нет. Вот вера колу. С тех давних времен никто в дом не заходил» (А. Ф. Абрамова, 1961 г. р., д. Веркола — ЛАИ 2000, т. 3, № 251);

«А уже в переводе с финно-угорского “веерка” значит ‘рыболовная сеть’. Веркола — место для сушки сетей. Когда-то это место было богато рыбой» (А. Ф. Абрамова, 1961 г. р., д. Веркола — ЛАИ 2000, т. 3, № 252).

При подобных обстоятельствах предпочтение отдается той версии, которая с наименьшими потерями вписывается в логику развития сюжета о передвижениях новгородского/чудского войска. Таким образом, локальный сверхтекст становится своего рода тематическим кластером, собирающим воедино мотивы определенного типа. В этом смысле его можно рассматривать в качестве мнемотехнического приема, сформированного внутри самой традиции, для расширения информационного поля текста и его архивации в активной (востребованной) части репертуара. Симптоматичен с этой точки зрения тот факт, что наибольшим числом вариантов в нашей коллекции представлены предания, которые вошли в приведенный выше локальный сверхтекст («Явзора → Лавела → Веркола»).

Помимо информационной и мнемотехнической функции, рассматриваемый локальный сверхтекст наделен еще одной — идентификационной, поскольку во многом благодаря ему внутри

¹⁶ Гацак В. М. К добиранию текстовых этнопоэтических сущностей // Народная культура Сибири: Материалы VII научно-практического семинара Сибирского РВЦ по фольклору. Омск, 1998. С. 9–11.

пинежского культурного ландшафта к жителям верховий сформировалось устойчивое иронично-насмешливое отношение. Их не только за глаза, но и в глаза дразнят чужью белоглазой и чудиками. Особенно достается двум крайним деревням — Нюхче и Кучкасу, см. присловья («Кучкас — не деревня, кучкасяне — не народ», «Кучкас — нора, в небо дыра», «В Кучкасе побывал, дак и умирать можно») и частушки:

Кучкасяна-мужики —
Наголо большевики¹⁷ (вариант — настоящи дураки):
Сена ставят в совиках¹⁸,
Ничто не родится в руках
(С. С. Когин, 1921 г. р., д. Нюхча — ЛАК 2000, т. 1);

Не пойду я в Кучкас замуж:
Там лапушники¹⁹ едят,
За последнего за Заручей²⁰:
Там чаем напоят
(С. С. Когин, 1921 г. р., д. Нюхча — ЛАК 2000, т. 1);

В Кучкас-то идти —
На углах подойники²¹,
От кучкасски ребята —
Наголо разбойники
(хор, д. Нюхча — ЛАК 2000, т. 1);

Кучкас, Кучкас — не деревня,
Кучкасяне — не народ.
Все окошечка завешаны:
Зае...ся у ворот
(С. С. Когин, 1921 г. р., д. Нюхча — ЛАК 2000, т. 1);
Не ходите в Нюхчу замуж:

¹⁷ В Кучкасе была организована первая коммуна.

¹⁸ Совик — верхняя зимняя одежда, перенятая пинежанами у коми. «Ставят сено в совиках» означает, что нерадивые кучкассские коммунары заготавливали сено не летом, а ближе к зиме.

¹⁹ Лапушники (хлеб, выпекавшийся на капустном листе) был распространен в бедных семьях. Напротив чай был признаком достатка: «Чай-то раньше не каждый пил» (С. С. Когин, 1921 г. р., д. Нюхча — ЛАК 2000, т. 1).

²⁰ Заручей — околос д. Нюхча.

²¹ По мнению нюхчан, в Кучкасе хлеба располагались рядом с домами, и потому последние выглядели неопрятно.

Там лапушники едят.
За последнего за Заручей:
Там чаем напоят

(Е. А. Морозова, 1931 г. р., д. Кучкас — ЛАК 2000, т. 1).

Подобное восприятие верховий и крайней границы имеет под собой реальные основания. В силу климатических и природных условий в этих краях жили беднее, нежели на средней и нижней Пинеге, и при недородах, которые часто случались в зоне рискованного земледелия, нищенствовали, в поисках куска хлеба дохода до Усть-Пинеги (с этим обстоятельством связано пренебрежительное именование верхоты сиротами). Показателен в этой связи обычай, некогда распространенный по всему Пинежью: девушку, вышедшую из брачного возраста, родители сажали на сани или телегу, нагруженную приданым, и везли в верховья, отдавая первому встречному, пожелавшему взять ее в жены.

Важную роль в формировании негативной оценки верховцев низовцами сыграли и мифологемы «верх», «низ», разыгранные в приречном сельском культурном ландшафте по «гидрографическому» сценарию (термин Е. Л. Березович²²). Согласно ему верх наделяется отрицательной семантикой, а низ — положительной²³: «Верховские — колдуны. Это у нас здесь светлый край, а там-то, в верховье, знают много приговоров» (А. Р. Таборская, 1952 г. р., д. Заозерье — ЛАИ 1997, т. 5, № 99); «Они знающие: у них больше колдунов, знахарей, а у нас тупые работники» (Т. С. Шехина, 1927 г. р., д. Матвера — ЛАИ 1997, т. 2, № 56); «У нас бывало через Печгору переправа была. Гора крута. Мы с нее кричим, кто мимо проплывет: “Верховцы — опалены овцы!” <...> Немногу, Кевролу затопит: амбары, бани несет. Мы: “Сверху кажно говно несет!”» (А. К. Денисова, 1907 г. р., д. Заозерье ЛАИ 1997, т. 1, № 103).

Демонизации жителей верховий р. Пинеги способствовал и факт возведения их происхождения к чуди, которая представлялась не просто неславянским племенем, но мифическим народом необычной наружности, обладающим сверхъестественными способностями: «Чуди были воеводами, богатырями. На Авой горе

²² *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

²³ «...в целом характерна общая негативная оценка Верха Низом и взаимное противопоставление на культурно-бытовом и нравственно-поведенческом уровнях» (*Берништам Т. А.* Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. СПб., 1995. С. 213–214).

жил воевода — чудской богатырь. <...> Они были первобытными людьми. Ава был очень сильным: кричал очень громко, ножницы перекидывал, дак они далеко летели» (П. А. Чаусов, 1908 г.р., д. Веркола); «Эта чудь — нечистая сила» (П. Черноусова, 1934 г.р., д. Городецк — АКФ 2017, т. 3); «От чуди и пошли все лешие» (А. Ф. Рябова, 1926 г.р., д. Остров — ЛАК 2000, т. 1); «Полудницы — это ведь были здесь... Чудь была. <...> У нас есть их потомки. Чудь белоглазая: у них глаза белые. Вот их полудницами и звали. Их и звали» (П. Д. Дурынина, 1915 г.р., д. Явзора — АКФ 1995, т. 2, № 266).

В заключение замечу, что фольклорная культура, имеющая несколько уровней системной организованности (авантекстовый, текстовый и сверхтекстовый) должна анализироваться с учетом данного феномена. Только в этом случае можно понять реальные механизмы ее сохранения и эволюции.

Список сокращений

АКФ — Архив кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

ЛАИ — Личный архив А. А. Ивановой

ЛАК — Личный архив В. Н. Калущкова